

Информация для цитирования:

Токарев Г. В. Значение лингвокультурного знака : сценарий интерпретации при освоении чужого языка в контексте апелляции к культурным пластам / Г. В. Токарев // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 132—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-132-150.

Tokarev, G. V. (2026). Interpretation of Linguistic-Cultural Signs: A Scenario for Acquiring a Foreign Language within Context of Cultural Appeal. *Nauchnyi dialog*, 15 (2): 132-150. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-132-150. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Значение лингвокультурного знака: сценарий интерпретации при освоении чужого языка в контексте апелляции к культурным пластам

Токарев Григорий Валериевич
orcid.org/0000-0002-2362-0902
доктор филологических наук,
профессор
grig72@mail.ru

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена за счет средств соглашения на финансовое обеспечение выполнения государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) № 073-00065-25-01 от 18.03.2025 года, заключенного с Минпросвещения России, на тему: «Формирование и развитие мотивации к изучению русского языка средствами современного образовательного контента (в помощь преподавателю РКИ в Республике Сербской (Босния и Герцеговина))»

Interpretation of Linguistic-Cultural Signs: A Scenario for Acquiring a Foreign Language within Context of Cultural Appeal

Grigory V. Tokarev
orcid.org/0000-0002-2362-0902
Doctor of Philology, Professor
grig72@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia)

Acknowledgments:

The work was completed at the expense of the agreement for financial support of the state assignment for the provision of public services (execution of works) № 073-00065-25-01 dated 18.03.2025, concluded with the Ministry of Education of Russia, on the topic: “Formation and development of motivation to learn Russian by means of modern educational content (to help the RCT teacher in Republika Srpska (Bosnia and Herzegovina))”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблемам интерпретации лингвокультурных единиц и демонстрации эвристического потенциала культурных пластов как представляющих собой результат ментального постижения действительности, тип культурного знания. Разработана методика анализа языковых единиц, выступающих культурными символами. В ходе исследования реконструирован сценарий интерпретации вербального знака культуры, включающий шесть этапов, для каждого из которых указаны когнитивные операторы. Алгоритм применения сценария интерпретации языковых единиц продемонстрирован на русских и сербских примерах. Выявлено, что данный процесс имеет своим результатом интерпретанту, выражающуюся в правильном понимании и использовании культурного знака. Рассмотрен когнитивный потенциал лингвокультурных знаков: символов, эталонов, наивных мер, оберегов, названий несуществующих явлений. Намечена типология культурных пластов, подчеркивающая связь между содержанием лингвокультурных знаков и когнитивным опытом носителя языка. Отмечается, что освоение языка тесно связано с формированием культурно-языковой компетенции, обеспечивающей правильное восприятие и воспроизведение культурных символов. Установлено, что интерпретация символов требует учета широкого контекста и оперирования большим объемом фоновых знаний. Выявлены ключевые характеристики лингвокультурных знаков, отражающих базовые черты национального мировоззрения и ценностные ориентиры. Доказано, что владение этими знаками способствует развитию межкультурной коммуникации и углубленному изучению национальной идентичности. Обосновывается важность систематического подхода к исследованию культурных пластов и внедрения разработанной методики в обучение языку (русскому, сербскому и др.) как иностранному.

Ключевые слова:

лингвокультурология; концептуализация; категоризация; культурные слои; сценарии понимания; культурно-языковая компетенция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses challenges in interpreting linguistic-cultural units by highlighting the heuristic potential of cultural layers as representations of mental comprehension of reality and typical forms of cultural knowledge. It introduces an analytical methodology for studying language elements that function as cultural symbols. Through empirical research, we reconstruct a scenario for interpreting verbal signs of culture consisting of six stages, each associated with specific cognitive operators. We demonstrate how this interpretive algorithm can be applied to Russian and Serbian examples. Our findings indicate that such interpretation results in an interpretant, which is expressed through accurate understanding and appropriate use of cultural signs. Additionally, we explore the cognitive capacity of linguistic-cultural signs — including symbols, prototypes, naive measures, amulets, and names of nonexistent phenomena — and propose a typology of cultural layers emphasizing their link to speakers' cognitive experience. We argue that language acquisition is closely tied to developing cultural-linguistic competence, enabling proper perception and reproduction of cultural symbols. Furthermore, it is shown that interpreting these symbols requires consideration of broader contexts and extensive background knowledge. Key characteristics of linguistic-cultural signs reflecting fundamental aspects of national worldview and value orientations are identified. Finally, it is demonstrated that mastery of these signs enhances intercultural communication and deepens understanding of national identity. Importantly, systematic investigation into cultural layers and integration of our proposed method into foreign-language instruction (such as Russian or Serbian) are advocated.

Key words:

linguoculturology; conceptualization; categorization; cultural strata; scenarios of understanding; cultural-linguistic competence

УДК 81'373.612.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-132-150

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Значение лингвокультурного знака: сценарий интерпретации при освоении чужого языка в контексте апелляции к культурным пластам

© Токарев Г. В., 2026

1. Введение = Introduction

В современном языкознании активно развивается лингвокультурологическое направление, изучающее интеракцию вербальной системы и культуры. Данное взаимодействие существует не само по себе, а в сознании человека, являющегося носителем языка и субъектом той или иной культуры. Коллективное сознание членов одной лингвокультуры формирует когнитивную базу, «совокупность знаний и представлений, которыми обладают все или подавляющее большинство социализированных представителей лингвокультурного сообщества» [Гудков и др., 2007, с. 27]. В неё входит множество разнообразных знаний, среди которых можно выделить стереотипы, стандарты, сценарии, необходимые для жизни и включённые в культурную память народа [Ассман, 2004]. Носителем данных знаний становятся знаки культуры. Для их адекватного прочтения субъекту лингвокультурной общности необходимы навыки когнитивно-интерпретационных операций. Освоение языка связано с формированием ряда компетенций языковой личности, среди которых выделяют языковую (готовность пользоваться лексиконом и грамматиконом), коммуникативную (готовность к общению в различных ситуациях) [Караулов, 2010]. В. Н. Телия заявляет о ещё одном виде компетенции — культурно-языковой, заключающейся в готовности интерпретировать факты языка и речи в категориях культуры. Данная компетенция предполагает хорошо сформированные языковую и коммуникативную, поскольку языковая личность должна не просто знать, но и уместно употреблять языковые единицы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В. Н. Телия отмечает: «Культурная компетенция не совпадает с языковой: переключение языковой компетенции в культурную основано на

интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода. Владение такого рода интерпретацией и есть культурно-языковая компетенция» [Телия, 1996, с. 227]. Важно отметить, что исследователь характеризует данную готовность как интерпретационную, а следовательно, когнитивную по своей природе. В. В. Красных заявляет об «обязательном наличии культурно-языковой компетенции у человека говорящего» как постулате психолингвокультурологии [Красных, 2016, с. 139]. Вряд ли можно полностью разделить мнение автора на фоне поступательных процессов глобализации и связанных с ними унификации, стандартизации и упрощения мышления, результатом которых становится культурная глухота [Черняк, 2017]. М. Л. Ковшова и Д. Б. Гудков характеризуют культурно-языковую компетенцию как «способность человека к соотнесению знаков естественного языка со знаками культуры в эмпирической, социальной, интеллектуальной и духовной сферах жизнедеятельности на основе владения культурной информацией» [Ковшова и др., 2017, с. 81]. В данном определении важным является указание на использование субъектом культурной информации. Отсюда следует, что индивид владеет данной способностью в случае, если он располагает культурно маркированными знаниями. И. Ю. Токарева определяет культурно-языковую компетенцию как «...готовность к культурной референции, умение интерпретировать разноуровневые явления языка и речи, особенности их употребления в категориях культуры» [Токарева, 2016, с. 24]. Приведённая дефиниция носит операционный характер, поскольку компетенция понимается как процедура соотнесения знака с культурно маркированным знанием.

Данная компетенция заключается не только в простом соотнесении знаков двух систем, но и в интерпретации единиц особого, лингвокультурного уровня [Токарев, 2023]. Вербальные знаки, репрезентирующие культурно маркированные знания, составляют культурный код лингвокультурного сообщества. Н. А. Симбирцева определяет культурный код как «совокупность знаков и их комбинаций внутри историко-культурного периода, получившую вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры, обладающую интерпретативной устойчивостью в пространственно-временном континууме и сохраняющую коммуникативный потенциал на уровне личного восприятия и социально-культурных практик» [Симбирцева, 2016, с. 161]. Изучение совокупности знаков повышает интерес к изучаемому языку, мотивирует данный познавательный процесс, поскольку раскрывает самобытность народа, способствует осмысленной самоидентификации членов лингвокультурного сообщества. Функции разнообразных культурных знаков могут выполнять слова и фразеологические единицы. В этом случае их первичное, номинативное предназначение замещается культурными роля-

ми. Устойчивость, идиоматичность, воспроизводимость, образность данных единиц подтверждают многократное обращение языкового сознания к подобным знакам, а также их актуальность и ценностную маркированность. В. В. Красных замечает: «...одним из важнейших механизмов лингвокультуры ... является воспроизводимость, которая в данном случае понимается как (потенциально) частотная возобновляемость того или иного феномена в процессе общения...» [Красных, 2016, с. 122]. Умение «прочитать» закодированные в семантике смыслы свидетельствует о понимании культурных норм и указывает на высокий уровень владения языком. В. Н. Телия отмечает: «...система языковых значений соотносится в интерпретативном режиме с культурной компетенцией носителей языка» [Телия, 1996, с. 230]. В данный символярный входят символы, эталоны, наивные меры, обереги, номинации несуществующих реалий (безденотатные единицы). Их объединяет свойство прецедентности, проявляющееся в узнаваемости и понятности данных единиц. Они характеризуются образностью, оценочностью, эмотивностью и суггестивностью. Их миссия заключается в культурной регуляции, координации действий в соответствии с ценностями, нормами и запретами. Лингвокультурные знаки определяют идентичность группы людей, пользующихся языком как родным.

Цель данной статьи — продемонстрировать эвристический потенциал лингвокультурных единиц и представить сценарий их интерпретации.

Актуальность предпринятого исследования объясняется возрастающей ролью лингвокультурологии в преподавании и изучении русского языка как иностранного, см.: [Авдеева и др., 2020; Литовкина и др., 2021; Лёвшушкина, 2021; Савченко и др., 2025]. Тренды лингвометодических работ последнего десятилетия связаны с интересом к культурно маркированным единицам. Так, Н. А. Белова, Е. А. Кашкарева предприняли попытку разработки методики лингвокультурологического комментирования [Белова и др., 2025]. Т. М. Танашева рассматривает данный приём как способ семантизации фразеологической единицы [Танашева, 2021]. Работа с преподавателями русского языка Республики Сербской подтвердила необходимость интеграции лингвокультурологического компонента в процесс обучения и потребность в разработке методического инструментария — сценария интерпретации лингвокультурных единиц.

Предметом исследования является типология и специфика культурных пластов, объективированных компонентами значений языковых единиц. Предлагается сценарий пошагового декодирования семантики слов, выступающих знаками культурных символов. Разработка методики анализа лингвокультурной единицы проиллюстрирована примерами из русского и сербского языков. Для достижения поставленной цели используются мето-

ды компонентного, концептуального анализа, а также лингвокультурологической интерпретации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Понятие культурного пласта (слоя)

Семантика лингвокультурных единиц отражает культурный контекст, то есть своего рода культурные пласты. Впервые о них заявляет В. Н. Телия в «Большом фразеологическом словаре русского языка» при описании макроструктуры словаря. О культурных пластах упоминается в первой подзоне культурологического комментария. Под *культурным пластом* исследователь предлагает понимать «...архетипические формы культурного осознания мира...» [Большой фразеологический словарь ..., 2006, с. 12]. По Телия, культурные пласты отражают сложный процесс преобразования «мира-хаоса» в порядок, «основанный на типизированных противопоставлениях — пространственных..., качественных ..., социальных» [Там же]. К ним учёный относит анимизм, ритуальные действия. М. Л. Ковшова и Д. Б. Гудков дают более широкое определение *культурным слоям*, определяя их как «...составляющие концептуального наполнения культуры, модель культурного пространства...» [Ковшова и др., 2017, с. 107]. Как следует из определения, исследователи трактуют культурные пласты как типы знаний. Вряд ли можно согласиться с авторами данной точки зрения, что культурные слои являются моделью описания культуры. На наш взгляд, они выступают результатами данного процесса. В нашем исследовании под *культурным пластом (слоем)* предлагается понимать результат культурно-семиотической категоризации знаний, объективированной значением культурно маркированных единиц, тип культурно маркированного знания, вербализованного языковым знаком, соотносительным со знаками культуры, на что указывают компоненты значения языковой единицы. Их постижение имеет своим результатом интерпретанту, выражающуюся в правильном понимании и использовании культурного знака. Выделение пластов связано с определением кода культуры, осознанием денотативных границ использования знака, адекватным восприятием его содержания, реализацией сценариев поведения как следствий интерпретации знака.

Определение культурного кода предполагает понимание тропичности семантики культурного знака, вычленения внутренней формы и её соотнесения с базовым образом, который выступает средством категоризации знания. Денотативные границы, закреплённые за знаком, детерминированы аксиологическими критериями: они указывают на то, что важно для лингвокультурного сообщества, а потому обозначено. Сценарии поведения выражаются в следовании культурным нормам, императивам, запретам.

3.2. Интерпретационный потенциал лингвокультурных единиц

Вербальные символы представляют собой лингвокультурный знак, выражающий какие-либо идеи и направляющий поведение человека. А. Ф. Лосев писал о том, что символ есть «заряженная множеством структура, призванная творчески переделывать действительность, а не мертвенно её отражать» [Лосев, 1995, с. 17]. Для интерпретатора понимать символ означает осознавать его императивный потенциал. Так, символ *счастливый билет* связан с ожиданием удачи. Из предложенного понимания знака культуры следует, что символы выступают в качестве репрезентантов концептов культуры, а значит, принципов. Например, символ *хомут* связан с концептом ТРУД и принципом, который он реализует: *будь готов трудиться*. Вербальный знак *телега* сжато выражает целый комплекс знаний, связанных с летними работами, а *сани* — с зимним времяпрепровождением, что воплощено в пословице: *Телега дом собирает, а сани разоряют* (то есть лето и зима). *Телега хлеб в дом возит, сани на базар. Готовь летом сани, а зимою телегу*. Таким образом, интерпретация символа опирается на широкий концептуальный фон, представляющий собой иерархию ментальных категорий. Человек, владеющий языком, подсознательно понимает, что вербальный знак может выражать символическое значение. В этом случае знак, выступая репрезентантом идеи и регулятором поведения в культурном пространстве, замещает номинативную функцию на культурную. Ср.: *бич* как репрезентант идеи возмездия, злого рока и *бич* как номинация кнута.

Денотативное пространство символа указывает на культурные сферы, которые оказываются наиболее значимыми и разработанными. Символы в них играют роль светофоров, информирующих и предупреждающих знаков.

Декодирование символа предполагает экспликацию скрытых культурно-когнитивных пластов. Один из них — **регулятивный**. Интерпретантой символа является модель поведения в той или иной ситуации. Образцы данных моделей человек наблюдает в многократных речевых практиках и постепенно их присваивает. Из этого следует, что для лингвокультурной общности становится значимой, во-первых, обозначенная символом ситуация, во-вторых, модель поведения, которая фиксируется как социально осознанная. Соприкасаясь с чужой лингвокультурой, человек сопоставляет культурно маркированные модели поведения своего и чужого пространства, выделяя сходства, отличия, лакуны. Императивная семантика символа определяет его проектирующий потенциал. Знание вербальных символов означает понимание культурных норм. Так, лингвокультурный знак *азбука* символизирует начало чего-либо. Азбука является первой кни-

гой, которую читает человек. Для правильного декодирования значения интерпретатору потребуется актуализировать знания об обучении чтению, которое начинается с ознакомления с буквами. В сознании актуализируются культурные таксоны: краткое / полное, достаточное / недостаточное, существенное / несущественное, основное / второстепенное, простое / сложное. Данные смыслы находят воплощение в коннотациях слова *азбука*, которые впоследствии оформляют сигнификативное содержание семем символа. Становятся значимыми сценарии постижения знаний: для учеников это может быть трудно и неинтересно, к обучению могут принуждать, за плохие результаты могут наказывать.

Интерпретация символических значений подразумевает осмысление коннотаций вербального знака, ставшего для символа производящей базой. Так, у слова *барабан* прочитываются коннотации ‘опасность’, ‘строгость’, ‘дисциплина’, ‘военная служба’, ‘наказание’, которые объективируются в многообразных контекстах. Например, в предложении ... *И где-то за елями кругло ударил барабан. Отряд пионеров в галстучках бодро промаршировал к воротам, и оттуда прозвучала труба* (Ю. О. Домбровский «Факкультет ненужных вещей») [НКРЯ] проявлена коннотация ‘дисциплина’.

Таким образом, для интерпретации символа языковой личности требуется актуализация большого массива фоновых знаний. Это ещё один культурный пласт, объективированный семантикой символа. У носителей языка как родного они включены в их когнитивную базу. Изучающие язык как неродной данными знаниями могут не обладать. Их они могут получить в репродуктивной форме из разнообразных источников.

Коннотации, на основе которых сформировалась семема символа, могут быть верифицированы на материале фразеологических единиц, производных слов. Так, коннотации слова *крест* объективированы рядом пословиц и поговорок: *вот те крест, целовать крест, не берёт его ни крест, ни пест, ходит с крестом, креста на нём нет, тяжёл крест, да надо несть, поставить крест*.

В некоторых случаях формированию символического значения вещи способствует включённость ее в качестве сакрального объекта в структуру ритуала. Например, лапоть использовался в обряде сватовства. Его вешали как знак отказа. Данная практика способствовала формированию символа.

Ещё один культурный пласт отражается во внутренней форме культурно маркированных единиц. Образное основание символа в сжатом виде может скрывать сценарий культурно обусловленной практики. Так, внутренняя форма символа *баклуши* (*бить баклуши*) отражает практику изготовления деревянных заготовок для ложек. Выведение данных практик на вербальный экран образного основания составляет сущность культурного

кодирования знаний. Способность интерпретировать оязыковлённые картинки лежит в основе культурно-языковой компетенции.

Апелляция к символу предполагает унифицированную реакцию, которая является результатом культурной рефлексии лингвокультурной группы. Например, символ *барахло* предполагает эмотивно-оценочную интерпретацию, выражающуюся в негативном оценивании и неодобрении чего-либо.

Рассматриваемые единицы можно представить как стабильные, то есть свойственные лингвокультуре на протяжении всех этапов её развития (*венец, грош, каша* и др.), и идеологически детерминированные, выражающие ценности отдельной эпохи (*маяк, знамя, смычка* и др.) [Мокиенко и др., 1998].

Эталоны — лингвокультурные единицы, отражающие стандарты качеств и свойств человека. Постижение смысла данных знаков означает усвоение физических, моральных, поведенческих прототипов человека. Примечательно то, что эталоны отражают не только норму, но и отступление от неё. Так, эталоны фиксируют стереотипные представления о человеке с плохим зрением: *бельма поганая, камбала косая, слепая курица, лихо одноглазое* (хотя нормой считается хорошее). Это отражено в оценочном компоненте значения. При декодировании значения эталона языковое сознание осуществляет операцию соотнесения его содержания с нормой и определение оценочности семемы. К примеру, прочтение семантики эталона *церковная мышь* эксплицирует норму: «имей достаточные материальные средства». Несоответствие ей выражается в отрицательной оценочности. Из этого следует, что процедура распаковки семантики эталона непосредственно связана со знанием **императивной** системы культуры, особого культурного пласта. Изучение эталонов лингвокультуры помогает осмыслить систему её норм. Правильное декодирование семантики эталонов означает понимание стереотипов, функционирующих в данной культурной среде. Так, можно говорить о стереотипе: русская женщина, как матрёшка, здоровая, румяная, круглолицая. Эталоны имеют живую образность, что позволяет увидеть своеобразие интерпретации явлений действительности. Например, свежо выглядящий мужчина интерпретируется как *огурчик*, человек, привлекающий внимание яркой одеждой как *попугай*, неряшливый человек как *россомаха*. Образное основание помогает увидеть привлечение культурного опыта лингвокультурной общности, что выражается в выделении вспомогательного объекта для эталонизации какого-либо свойства или качества. Например, для объективации представлений о старом, немощном человеке избираются образы галоши, гриба, динозавра, кочерги, кочерыжки (ср. соответствующие номинации: *галоша*

и др). Тематические группы эталонов позволяют увидеть онтологические сферы, наиболее важные для лингвокультурного сознания.

Эталоны могут актуализировать культурно-исторические пласты. В этом также заключается эвристический потенциал изучения их семантики. Так, эталон *бурлак* ‘человек, выполняющий тяжёлую работу’ актуализирует знания о труде наёмных работников дореволюционной России, эталон *веретено* ‘вертлявый, юркий, подвижный человек’ – о повседневных женских занятиях. Эталон *волк* ‘угрюмый, нелюдимый человек’ связан с архетипическими представлениями о волке как опасном животном. А. Н. Афанасьев отмечал, что волк символизировал мрак, тьму. Хищный характер волка «возбуждал представления о грабеже, насилии, резне» [Афанасьев, 2002, с. 705], *ворон* ‘о человеке, предвещающем беду’ — представления о том, что эта птица чувствует мёртвое тело. В корове подмечена медлительность, тучность, в индюке — надменность, заносчивость — в петухе.

Эталоны в большей степени, чем другие лингвокультурные единицы, отражают системность. Это даёт возможность увидеть противоположные точки при стандартизации признаков человека: *дубина, оглобля* ‘высокорослый человек’ vs. *заусенец, огарок* ‘человек невысокого роста’. Эталоны могут быть использованы в этикетных выражениях, в частности в роли обращений. Так, обращение к женщине *вербушка, лебедь моя* и др. отражают речевой канон, опирающийся на гендерные роли, архетипические представления.

Имена волшебных объектов, которые называют безденотатными в силу того, что они имеют нулевой экстенционал, с одной стороны, отражают архетипические представления о базовых культурных таксонах, таких как свой / чужой, жизнь / смерть, доля / недоля и др., с другой — воплощают креативный потенциал нации. Характерно, что символярии подобных единиц не совпадают в различных лингвокультурах, что затрудняет трансфер репрезентированных данными единицами знаний из одной культуры в другую. Если в своей культуре способ выражения данных единиц характеризуется холистичностью, то, попадая в чужую культуру, единица получает описательную репрезентацию, подробно раскрывающую её образность, сигнификативное наполнение. Так, при переводе волшебной сказки объём текста увеличивается за счёт подробного разъяснения подобной единицы. Тем самым подтверждается, что понимание данной единицы связано с получением новых знаний. Рассматриваемые лингвокультурные знаки имеют разный деривационный потенциал и могут использоваться не только в волшебных сказках, но и за их пределами, например, проникать в повседневную речь. В этом случае они обретают новые культурные функции, в частности, они способны быть эталоном, символом, мерой. На-

пример, баба Яга выступает эталоном злой или старой женщины, избушка на курьих ножках — старого, ветхого жилья. В сознании языковой личности актуализируются кросс-культурные операции, интегрирующие разные хронологические парадигмы культуры. Номинации волшебных предметов могут отражать различные культурные пласты. Например, **сакральные**: волшебное зеркало воплощает представления о своём и чужом, реальном и потустороннем, зеркало выступает в роли магического входа в иное пространство; **концептуальные**: представления о жизни и смерти — Кощей Бессмертный как персонифицированная объективация представлений о смерти; **аксиологические**: Жар-Птица, скатерть-самобранка как образная репрезентация о диковинном, хорошем, изобильном.

Наивные меры репрезентируют ненаучные единицы измерения. При интерпретации их значений важны следующие аспекты. Во-первых, денотативная соотнесённость. Наивные меры могут охватывать те же сферы, что и универсальные единицы измерения, например, время: *без году неделя, в два огляда, день в день, когда рак на горе свистнет, чуть свет*, — либо параметризовать специфические сферы: сходство, знания и опыт, эмоциональные реакции и т. п. Во-вторых, сигнификат наивных мер, по сути, составляют признаки, зафиксированные образным основанием единицы: *до последней капли* ‘без остатка’, вагон и маленькая тележка ‘очень много’, *капля в море* ‘очень мало’ и др. Измерительным эталоном становится культурно детерминированная внутренняя форма знака: *на пальцах можно пересчитать*. Образные основания могут носить культурно специфичный характер: *сорок сороков* ‘очень много, бесчисленное количество чего-л’, *на авось* ‘без достаточной основательности, на удачу’, *до Москвы не перевешать* ‘очень много’, *за семь вёрст киселя хлебать* ‘на значительном расстоянии’, *во всю Ивановскую* ‘очень громко’ и др. В отличие от научных единиц измерения наивные выражают оценочность и эмотивность. Так, мера *быстрый на ногу* объективирует положительную оценку и эмотивность одобрения. Из этого следует, что меры отражают нормы и стандарты культуры: «быстро передвигаться хорошо».

Наивные меры могут объективировать культурно обусловленные сценарии. Так, единица *до морковкиного заговенья* отражает сценарий пищевого поведения, связанный с началом поста, *как блины печь* — сценарий выпекания блинов. Лингвокультурный знак *как на собаке* связан с представлениями об этом животном как сакральном существе. Собачья шерсть использовалась и как оберег, и как лечебное средство в народной медицине. Из сказанного следует, что декодирование значений наивных мер также связано с обращением к разнообразным пластам культуры: **нормативным, архетипическим** и др.

Обереги как лингвокультурный знак отражают принципы общежития лингвокультурной общности. Денотативные сферы применения оберегов объективируют ценностные плоскости их применения. В русской лингвокультуре это касается пространства, времени, обращения, текущего положения дел. Так, одной из них является имя человека, которое, согласно народным верованиям, имеет сакральный смысл, является уязвимой частью человека. В связи с этим коммуникативное поведение, связанное с употреблением имени, имело ритуальный характер: человеку помимо имени, которое он получал при крещении, давали мирское имя, негативные прозвища, чтобы обмануть нечистую силу, делающую всё наоборот, уходили от прямых ответов на вопрос *как зовут* путём использования устойчивых фраз, которым приписывался защитный характер: *зовут зовуткой, а величают серой уткой, как назвали, так и зовут* и др. Косвенно обереги, выступая культурными регуляторами, отражают культурные нормы и запреты. Например, не следует говорить чужим о своих планах, о том, как обстоят дела, не следует спрашивать об этом посторонних людей и т. п. Таким образом, декодирование оберегов связано с обращением к нормативному пласту культуры. Кроме того, они являются своего рода маркерами прототипических коммуникативных сценариев. Употребление данных единиц регламентируется прагматическими правилами.

Осмысление символярия лингвокультуры сопровождается установлением связей между единицами, а следовательно, их представлением как системы. Так, включение в активный запас символов со значением материальных ценностей: *золото, длинный рубль, деньги, кошёлёк, копейка, каравай, калач, кусок* — позволяет интерпретатору осознавать интегральную семантическую основу и различия семантики данных единиц.

Лингвокультурные единицы характеризуются высоким текстовым потенциалом. Они могут быть использованы в процессах фигуративизации, например, в качестве имён главных персонажей, употребляться в сильных позициях текста, выступать в роли его ключевых слов. В связи с этим операции кодирования семантики вербальных знаков культуры включаются в процессы текстовой деятельности.

3.3. Реконструкция сценария интерпретации лингвокультурных знаков

Описание лингвокультурных единиц через призму воспринимающего сознания интерпретатора позволяет реконструировать сценарий интерпретации вербального знака культуры. Опишем его основные этапы и когнитивные операторы, которыми пользуется интеллект.

Первый этап. Допущение, что языковая единица выполняет культурные функции. Данный процесс опирается на чувство интуиции, культурно-

языковой опыт, анализ коммуникативной ситуации, учитывание текстовой позиции. Когнитивный оператор этапа: допусти, что этот вербальный элемент является знаком культуры.

Второй этап. Соотнесение знака с денотативным пространством, сферой жизни культурного сообщества. Определение эталонной категории. Когнитивные операторы данного этапа: соотнеси данный знак с окружающим миром, обозначенное им явление с классом однородных явлений.

Третий этап. Определение характера семантики знака с точки зрения способа отражения действительности. Распаковка образного основания и приведение его к базовому образу. Определение кода культуры. Когнитивные операторы этапа: буквально прочти вербальный знак, соотнеси его с тем, что он выражает, определи способ обозначения (прямой / переносный), обобщи образ.

Четвёртый этап. Осмысление сигнификата вербального знака культуры. Опора на фоновые знания, апелляция к информации, имеющей архетипический характер, экспликация коннотаций и их верификация с опорой на широкий языковой материал. Когнитивные операторы: выясни, чем данное явление отличается от смежных; учти, что люди знают об этом.

Пятый этап. Осмысление иллюкутивного потенциала знака. Актуализация перечня культурных императивов: норм и запретов. На их основе генерирование оценки и эмоциональной реакции. Когнитивный оператор: соотнеси значение с координатами: можно / нужно / нельзя; хорошо / плохо, одобряю / не одобряю.

Шестой этап. Понимание условий употребления знака: уместности, соответствия коммуникативным задачам. Когнитивный оператор: учти, когда и как использовать знак.

Работа с предложенной моделью сначала может осуществляться на материале родного языка. Так, на первом этапе интерпретации устойчивой сербской единицы *први мачићи се у воду бацају* (буквально: «первых котят бросают в воду»); русский эквивалент — *первый блин комом*) допускаем, что выражение содержит культурный знак, используемый для выражения какой-либо идеи. Второй этап связан с соотнесением семантики знака со сферой «Деятельность». На третьем этапе устанавливаем, что при образовании лингвокультурного знака использовалась опосредованная номинация. Мысленно актуализируем сценарий уничтожения первого потомства котят. Культурный код связан с осуществлением ритуального действия. На четвёртом этапе осознаём, что данный ритуал был связан с представлениями сербов о том, принесение в жертву первого поколения в будущем обеспечивает хорошие репродуктивные результаты. На пятом этапе эксплицируем контекст употребления культурного знака. Он используется как импе-

ратив: чтобы последующее было крепким и хорошим, нужно уничтожить первое слабое. На заключительном этапе осознаём, что знак используется при прогнозировании ожидаемых результатов или констатации факта ожидаемой неуспешности уже сделанных действий в целях поощрения осуществления дальнейших действий, их положительного оценивания.

Проиллюстрируем работу данной модели на примере вербального оберега *на кудыкину гору*. На первом этапе допускаем, что перед нами не обычная языковая единица, а знак культуры: она используется как готовый ответ, регулярна. На втором этапе соотносим данный знак со сферой действительности «Пространство». На третьем этапе определяем, что в процессе образования знака был использован опосредованный способ отражения действительности. Буквально прочитывая образное основание, представляем, что речь идёт о некой горе. Гора — элемент природы. Код культуры связан с базовым образом «Природное явление». На четвёртом этапе понимаем, что речь идёт о несуществующем объекте. Определение *кудыкина* связано с просторечным, искажённым вариантом слова *куда*. На пятом этапе соотносим контекст употребления данного знака со сложившимися в культуре нормами: не будь любопытным, не делись своими планами. Вопрос *куда направляется человек?* может быть воспринят негативно. Прямой ответ может стать причиной неудачного действия. Следовательно, нужно защитить себя от этого. Ответ *на кудыкину гору* выражает неодобрение коммуникативных действий собеседника. На шестом этапе актуализируем условия коммуникативного поведения: данный знак является реакцией на стимул *куда*, употребляется в неформальной речевой ситуации, грубый, фамильярный.

Приведём ещё одним пример интерпретации лингвокультурной единицы *шкура*. На первом этапе допускаем, что в выражении *поживи в моей шкуре* номинация *шкура* выполняет культурную функцию — выражает некую идею и моделирует определённый сценарий поведения. Использование данной единицы регулярно. На втором этапе соотносим данный знак с представлениями о судьбе, образе жизни. На третьем этапе буквально прочитываем образ, лежащий в основе знака: кожа зверя; осознаём, что идея выражена с опорой на базовый образ «Животное». Понимаем, что для её объективации используется перенос. На четвёртом этапе допускаем, что по шкуре мы можем отличить одно живое существо от другого, каждое из них характеризуется своим образом жизни, каждое по-своему борется за выживание. На пятом этапе устанавливаем, что употребление данного знака культуры связано с констатацией определённого образа жизни. Отождествление судьбы человека с существованием животного выражает смыслы «трудно, сложно», что генерирует отрицательную оценочность и

неодобрение. В то же время употребление лингвокультурного знака рассчитано на приятие иного образа жизни, на понимание, толерантное отношение, сопереживание. На шестом этапе принимаем во внимание, что данный культурный знак употребляется в неформальной коммуникативной ситуации.

Практически каждый из выделенных этапов актуализирует культурный пласт, к которому апеллирует сознание. На третьем этапе происходит обращение к культурному коду. На четвёртом — к массиву обыденных знаний, в том числе носящих архетипический характер. На пятом — к культурным нормам. На шестом — к канонам употребления.

Ситуации использования языка как родного и неродного могут совпадать в плане когнитивного наполнения операций. Это определяется уровнем сформированности культурно-языковой компетенции. В случае её слабой развитости наблюдается сходство в интерпретации знаков культуры людьми, которые используют язык как родной и иностранный. Однако для представителей чужой культуры допустимы операции сопоставления иной сферой с родной на каждом этапе декодирования единицы.

Человек может испытывать недостаток требуемой для интерпретации информации. Возникает ситуация мотивации её получения, которая сопровождается активным настроем в процессе изучения языка. Совершенно очевидно, что требуемую информацию интерпретатор должен восполнить из внешних источников. Полученные знания будут характеризоваться большей прочностью и долговременностью, поскольку были актуализированы внутренними когнитивными потребностями личности. На наш взгляд, в этом состоит один из механизмов развития культурно-языковой компетенции, цель формирования которой — обогатить символарий личности и наделить её умениями осуществлять процедуры интерпретации. Ю. М. Лотман, говоря об особенностях освоения языка, отмечал: «...ребёнок получает не отдельные слова, а язык как таковой. Это проводит к тому, что огромная масса слов, уже вошедших в его сознание, для него не сцеплена с какой-либо реальностью» [Лотман, 2000, с. 600]. Предложенный сценарий интерпретации вскрывает механизмы сцепления лингвокультурного знака с системой значений, имеющейся в голове индивида.

4. Заключение = Conclusions

Итак, декодирование семантики лингвокультурных единиц: символов, эталонов, мер, берегов, названий волшебных явлений — связано с раскрытием разнообразных культурных пластов. Денотативный компонент значения указывает на границы культурного пространства, степень актуальности для лингвокультурной общности репрезентированных вербаль-

ными знаками культуры знаний. Образ отражает особенности воплощения и интерпретации знаний, культурный опыт сообщества. Сигнификативный компонент соотносится с фоновыми знаниями, культурными практиками, коннотациями, на основе которых было сформировано значение лингвокультурной единицы. Оценочный и эмотивный компоненты отражают нормы, запреты, императивы, которыми пользуется лингвокультурное сообщество, коллективную рефлексию при восприятии действительности. Все перечисленные типы знаний составляют когнитивную базу лингвокультурной общности. Экспликация данных знаний актуализирует активное использование языка, понимание его глубинных структур. Следует заметить, что перечисленные ментальные слои могут оставаться неактивными в сознании личности, владеющей языком как родным. Для представителя чужой лингвокультуры данные пласты неизвестны. В любом случае раскрытие их содержания, актуализация формируют мотивацию изучения языка, способствуют глубокому осмыслению культурной идентичности и толерантности. Извлечение знаний из каждого культурного пласта связано с формированием интерпретанты, заключающейся в правильном декодировании знака.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Афанасьев А. Н.* Мифы, поверья и суеверия славян : в 3 томах / А. Н. Афанасьев. — Москва : Эксмо, Санкт-Петербург : TERRA FANTASTIKA, 2002. — 2336 с. — ISBN 5-699-00849-7.
2. *Большой фразеологический словарь русского языка : Значение. Употребление. Культурологический комментарий* / отв. ред. В. Н. Телия. — Москва : АСТ-ПРЕСС, 2006. — 784 с. — ISBN 978-5-462-00735-4.
3. *Ковшова М. Л.* Словарь лингвокультурологических терминов / М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. — Москва : Гнозис, 2012. — 192 с.
4. *Мокиенко В. М.* Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.
5. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.09.2025).

Литература

1. *Авдеева А. Е.* Особенности преподавания этических концептов русских сказок иностранцам / А. Е. Авдеева, Н. М. Дмитриева // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2020. — № 2 (225). — С. 53—60. — DOI: 10.25198/1814-6457-225-53.
2. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. — Москва : Языки славянской культуры, 2004 — 368 с. — ISBN 5-94457-176-4.

3. *Белова Н. А.* Комментарий культурно-исторических фактов как способ формирования межкультурной компетенции обучаемых на занятиях по русскому языку как иностранному / Н. А. Белова, Е. А. Кашкарева // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* — 2025. — Т. 18. — Выпуск 7. — С. 2723—2731.

4. *Гудков Д.* Телесный код культуры : материалы к словарю / Д. Гудков, М. Ковшова. — Москва : Гнозис, 2007. — 288 с. — ISBN 978-5-94244-013-8.

5. *Каланчина И. Н.* Лингвокультурные концепты в обучении русскому языку иностранных студентов / И. Н. Каланчина // *Grand Altai Research & Education.* — 2025. — Выпуск 0s (23). — С. 72—77. — DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2025.00.

6. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с. — ISBN 978-5-382-01071-7.

7. *Красных В. В.* Словарь и грамматика лингвокультуры / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2016. — 496 с. — ISBN 978-5-94244-051-0.

8. *Лёвушкина О. Н.* Лингвокультурологическая характеристика текста как основа моделирования процесса обучения русскому языку / О. Н. Лёвушкина. — Москва : МПГУ, 2021 — 367 с. — ISBN 978-5-4263-0995-1.

9. *Литовкина А. М.* Формирование лингвокультурной компетенции в процессе обучения РКИ / А. М. Литовкина, О. С. Шарманова // *Вестник педагогических наук.* — 2021. — № 4. — С. 227—231.

10. *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. — 2-е изд., испр. — Москва : Искусство, 1995. — 320 с.

11. *Лотман Ю. М.* Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. — 704 с. — ISBN 5-210-01562-9.

12. *Савченко И. Н.* Локализованный компонент русской лингвокультуры как ресурс аккультурации иностранных обучающихся / И. Н. Савченко // *Научная мысль Кавказа.* — 2023. — № 4. — С. 98—104. — DOI: 10.18522/2072-0181-2023-116-98-105.

13. *Савчук С. О.* Национальный корпус русского языка 2.0 : новые возможности и перспективы развития / С. О. Савчук, Т. А. Архангельский, А. А. Бонч-Осмоловская, О. В. Донина, Ю. Н. Кузнецова, О. Н. Ляшевская, Б. В. Орехов, М. В. Подрядчикова // *Вопросы языкознания.* — 2024. — № 2. — С. 7—34. — DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34.

14. *Симбирцева Н. А.* «Код культуры» как культурологическая категория / Н. А. Симбирцева // *Знание. Понимание. Умение.* — 2016. — № 1. — С. 157—167.

15. *Танашева Т. М.* Методы и приёмы работы над фразеологическими единицами в процессе обучения РКИ / Т. М. Танашева // *Успехи гуманитарных наук.* — 2021. — № 7. — С. 166—170.

16. *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // *Фразеология в контексте культуры.* — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 13—24.

17. *Телия В. Н.* Русская фразеология / В. Н. Телия. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 288 с.

18. *Токарев Г. В.* Проблемы изучения символярия региональной идентичности. Лингвокультурологический аспект / Г. В. Токарев. — Тула : ТППО, 2023. — 167 с. — ISBN 978-5-907689-16-9.

19. *Токарева И. Ю.* Инновационные подходы к преподаванию русского языка в средней школе : культурно ориентированное образование / И. Ю. Токарева. — Тула : С-Принт, 2016. — 144 с. — ISBN 9785906513052.

20. Черняк В. Д. Интертекстуальный тезаурус и агнонимия / В. Д. Черняк // Когнитивные исследования языка. — 2017. — № 30. — С. 318—321.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 24.02.2026.

Material resources

- Afanas'yev, A. N. (2020). *Myths, beliefs and superstitions of the Slavs: in 3 volumes*. Moscow: Eksmo, St. Petersburg: TERRA FANTASTIKA. 2336 p. ISBN 5-699-00849-7. (In Russ.).
- Kovshova, M. L., Kudkov, D. B. (2012). *Dictionary of linguistic and cultural terms*. Moscow: Gnosis. 192 p. (In Russ.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (1998). *Explanatory dictionary of the Soviet language*. Saint Petersburg: Folio Press. 704 p. (In Russ.).
- NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 21.09.2025). (In Russ.).
- Teliya, V. N. (ed.). (2006). *Large Russian Idiomatic Dictionary: Meaning, Usage, Cultural Commentary*. Moscow: AST-Press. 784 p. ISBN 978-5-462-00735-4.

References

- Assman, Ya. (2004). *Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 368 p. ISBN 5-94457-176-4. (In Russ.).
- Avdeeva, A. E., Dmitrieva, N. M. (2020). Features of teaching ethical concepts of Russian fairy tales to foreigners. *Bulletin of Orenburg State University*, 2 (225): 53—60. DOI: 10.25198/1814-6457-225-53. (In Russ.).
- Belova, N. A., Kashkareva, E. A. (2025). Commentary on cultural and historical facts as a way of forming the intercultural competence of students in classes on Russian as a foreign language. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 18 (7): 2723—2731. (In Russ.).
- Chernyak, V. D. (2017). Intertextual thesaurus and agnonymy. *Cognitive studies of language*, 30: 318—321. (In Russ.).
- Gudkov, D., Kovshova, M. (2007). *The body code of culture: materials for the dictionary*. Moscow: Gnosis. 288 p. ISBN 978-5-94244-013-8. (In Russ.).
- Kalanchina, I. N. (2025). Linguocultural concepts in teaching Russian to foreign students. *Grand Altai Research & Education*, 0s (23): 72—77. DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2025.00). (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2010). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: LKI Publishing House. 264 p. ISBN 978-5-382-01071-7. (In Russ.).
- Krasnykh, V. V. (2016). *Dictionary and grammar of linguoculture*. Moscow: Gnosis. 496 p. ISBN 978-5-94244-051-0. (In Russ.).
- Levushkina, O. N. (2021). *Linguistic and cultural characteristics of the text as the basis for modeling the process of teaching the Russian language*. Moscow: Moscow State University. 367 p. ISBN 978-5-4263-0995-1. (In Russ.).
- Litovkina, A. M., Sharmanova, O. S. (2021). Formation of linguistic and cultural competence in the learning process of Russian language. *Bulletin of Pedagogical Sciences*, 4: 227—231. (In Russ.).

- Losev, A. F. (1995). *The problem of symbol and realistic art. 2nd ed., ispr*. Moscow: Iskusstvo Publ. 320 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosphere*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. 704 p. ISBN 5-210-01562-9. (In Russ.).
- Savchenko, I. N. (2023). Localized component of Russian linguoculture as a resource for acculturation of foreign students. *Scientific thought of the Caucasus, 4*: 98—104. DOI: 10.18522/2072-0181-2023-116-98-105. (In Russ.).
- Savchuk, S. O., Arkhangelsky, T. A., Bonch-Osmolovskaya, A. A., Donina, O. V., Kuznetsova, Yu. N., Lyashevskaya, O. N., Orekhov, B. V., Kontrakachikova, M. V. (2024). National corpus of the Russian language 2.0: new opportunities and prospects for development. *Questions of linguistics, 2*: 7—34. DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34. (In Russ.).
- Simbirtseva, N. A. (2016). “Code of culture” as a cultural category. *Knowledge. Understanding. Ability, 1*: 157—167. (In Russ.).
- Tanasheva, T. M. (2021). Methods and techniques of working on phraseological units in the learning process of RCT. *Successes of the Humanities, 7*: 166—170. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1996). *Russian Phraseology*. Moscow: Languages of Russian Culture. 288 p. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1999). The primary tasks and methodological problems of studying the phraseological composition of language in the context of culture. In: *Phraseology in the context of culture*. Moscow: Russian Culture Languages. 13—24. (In Russ.).
- Tokarev, G. V. (2023). *Problems of studying the symbology of regional identity. The linguistic and cultural aspect*. Tula: TPP. 167 p. ISBN 978-5-907689-16-9. (In Russ.).
- Tokareva, I. Y. (2016). *Innovative approaches to teaching Russian in secondary schools: culturally oriented education*. Tula: S-Print. 144 p. ISBN 9785906513052. (In Russ.).

*The article was submitted 03.10.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 24.02.2026.*